

УДК 482-53

Т. Г. Трофимович

СТАРОРУССКИЕ НЕОДНОСЛОВНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ НОМИНАТИВНОГО СТАТУСА СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Современному языкознанию свойственно наметившееся «перемещение исследовательского интереса с семасиологического на ономазиологический подход: от смысла к способам его языкового выражения» [1, с. 130]. Стремление познать, как происходит вычленение и называние фрагментов действительности, выдвинуло лингвистику на новые позиции. В центре внимания ученых оказался человек с его языковой (речевой) способностью, значительное место в которой занимает номинативная деятельность. В связи с этим естественно встал вопрос о том, какие единицы языка в состоянии выполнять функцию называния. Общеизвестным в настоящее время оказался номинативный статус слова, чего нельзя сказать о словосочетании.

Начало изучению словосочетания в русистике было положено еще в середине XVIII в. М. В. Ломоносовым. Длительный период оно описывалось как синтаксическая единица, но уже в работах Л. В. Щербы и В. В. Виноградова оформилось мнение о том, что словосочетание, наряду со словом, может быть признано единицей номинативной. Такой подход нашел отражение в коллективной монографии «Языковая номинация» (1977 г.), а также в работах «Русская грамматика» (1980 г.), «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990 г.) и др. Вместе с тем многие исследователи (Т. А. Тулина, Г. А. Золотова, Ю. С. Долгов, Е. Н. Смольянинова и др.) высказывают мысль, что словосочетание не равно слову по номинативной функции и не может считаться единицей «называющей» [2, с. 14].

Если признать, что «идеальной» номинативной единицей является слово, то притязания словосочетания на номинацию можно в некотором смысле оценить, выявив его сходство со словом. Речь в данном случае может идти не только о наличии у словосочетания денотативно-сигнификативного содержания. Компоненты словосочетания как бы «утрачивают свою номинативную самостоятельность, перераспределяют значения и образуют иные, более сложные формальные и содержательные зависимости» [3, с. 50].

Общественное осознание предмета или явления, обозначенного словосочетанием, конвенциональная закрепленность последнего, его способность актуализироваться — вот черты, необходимые

для полноправной номинативной единицы [4, с. 13]. Очевидно, что в таком наборе номинативных параметров заложено многое из того, чем характеризуются фразеологизмы (фразеологизированные средства, устойчивые словесные комплексы). Вовлечение словосочетания в процесс фразеологизации, следовательно, значительно укрепляет его номинативный статус. В иерархии языковых единиц именно фразеологизмы максимально сближены со словом.

Язык старорусской деловой письменности отличался тем, что в нем функционировало большое количество однотипных словосочетаний, называвших людей, документы, земельные угодья и другие явления. Так, традиционно много словосочетаний типа «сущ. + прилаг.» возникло на базе лексем *грамота, двор, деньги, земля, книги, крепости, крестьяне, поместье, слобода, служба, список, староста, холоп* и др.

Наиболее многочисленными были словосочетания с компонентами *люди-человек* (чаще с *люди*). Устойчивость, воспроизводимость, а также транспозиция лексико-грамматического состава дает основание констатировать факт их фразеологизации [6, с. 363].

Компонент *люди* в рассматриваемых неоднословных наименованиях редко реализует значение 'живые существа'. Актуальной оказывается «юридическая» часть семантического наполнения слова: *люди* 'народ, подданные, свободное население страны', 'зависимые лица, слуги, челядь' (СлРЯ XI—XVII вв., 8, 341—342). Часть рассматриваемых названий характеризуется семантическим синкретизмом именного компонента. Так, например, *люди ближние* 'приближенные, доверенные лица', *люди загоные* 'участвующие в военном походе', *люди порубежные* 'жители пограничных районов' и др., где *люди* — это и 'живые существа', и 'граждане', и 'зависимые лица'.

Происходило также переосмысление атрибутивного компонента. У ряда словосочетаний оно было незначительным. К основному, прямому значению прилагательного добавлялся оттенок отношений к реализации субъектом юридических прав и обязанностей, например, в названиях *люди беглые, бедные, бесемейные, ближние, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, деревенские, дворянские, дозорные, должные, домовые, думные, духовные, зарубежные, знатные, земские, именные, крещенные, купленные, малопоместные, местные, мирские* и др. Подобные наименования составляют приблизительно две третьих от всех выявленных нами.

Общеизвестна и общепризнанна роль метафоры в организации общественного опыта и «языковлении безымянных пока понятий» [5, с. 29]. В старорусский период метафорический перенос

оказывался действенным способом номинации, основанном на подобии именуемого и уже известного объекта. Метафорический смысл приобрели лексемы *белый, большой, добрый, лихой, лучший, малый, мелкий, молодой, полный, прямой, середний, худой, черный* и др. Перечисленные прилагательные обладали информативно богатым нерасчлененным значением, создававшим благоприятные условия для метафоризации. Такие значения они чаще развивали самостоятельно, независимо от названий лиц. Об этом можно судить по другим наименованиям с подобными атрибутивными компонентами. Например, *люди белые* 'лица, не несущие феодальной повинности, освобожденные от нее'. Старорусскому языку были известны *белая соха, белая нива, белая земля, белое место*, в которых *белый* — 'освобожденный от феодальной повинности' (СлРЯ XI—XVII вв., 1, 138). Наряду с названием *люди большие* 'знатные, начальственные' бытовали *большой воевода, большой гость, большой посол* (СлРЯ XI—XVII вв., 1, 287), *люди прямые* и 'справедливые, честные' и *прямой бой, прямое слово, прямое дело* (СлРЯ XI—XVII вв., 21, 30) и т. д.

Проведенные подсчеты показывают, что приблизительно половина старорусских неоднословных названий лиц была унаследована из древнерусского языка. Переосмысление семантики атрибутивного компонента происходило именно в тот период. К примеру, словосочетание *люди добрые* называло не только людей, делающих добро, но и исполненных достоинства, почтенных, богатых и т. п. Лексема *добрый* в древнерусском языке имела 11 значений, среди которых было и 'достойный, уважаемый'. *Добрый боярин, добрый мужик* фиксируются СДЯ как устойчивые [3, с. 18—22].

В старорусской деловой письменности *люди добрые* используется часто в разных значениях, основные из которых — 'законопослушный, честный гражданин', 'пользующийся доверием властей' (ПРП, 5). Метафорическая семантика видна из контекста: И по том человеке ручается, что то человек *доброй*, и воровства от него никакова не будет, и запись на себя в том даст... (Ул., XX, 91); А велети выбрати *людей добрых*, которые к тому делу пригожи, 16 человек, да росписати их по месяцем на год (ПРП, 5, 359). СлРЯ XI—XVII вв. фиксирует *люди добрые* лишь со значением 'свидетели' (8, 342).

Материалы исторических словарей и наши наблюдения показывают, что метафоризация семантики таких лексем, как *лучший, полный, молодой* и др. произошла в древнерусский период. При возникновении старорусских неоднословных названий лиц эти переносные значения слов активно использовались. Метафорический перенос, как известно, является результатом концептуализации

окружающей действительности, поэтому присоединение вновь поименованного к уже названному естественно.

Возникновение словосочетаний с переосмыслением атрибутивного компонента происходило в старорусский период. Приведем примеры. *Люди докладные* — это ‘зависимые, зависимость которых оформлялась составлением докладной грамоты’ (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 291). И в рядных писати полных и *докладных* и купленных *людей* (Ул., XX, 61). *Люди гулящие* — ‘не приписанные ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам’, ‘не имеющие собственного двора’ (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 157). И дети боярские люди приставливают... безкабально... к посацким людям, а иные к *гулящим людям*... (ЗА, 328). Заметим, что *гулять* нет в СДЯ, этимология его сложна (Фасмер, 1, 474). Однако в старорусский период функционировали словосочетания устойчивого типа *гулящие дни* ‘нерабочие’, *жити в гулящих*, *гулящим делом* ‘скитаясь, бродяжничая’ (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 158). Добавим, что старорусскими инновациями стали *люди белые*, *люди задворные*, *люди крепостные*, *люди комнатные*, *люди бродячие* и др.

Анализ структурно-семантических особенностей собранных нами словосочетаний показывает, что их атрибутивные компоненты подвергаются переосмыслению, приводящему к потере номинативной самостоятельности, хотя и в разной степени. Это заложено, как представляется, уже в самой функциональной принадлежности делового языка, придающей наименованиям терминологический характер.

Старорусские неоднословные названия лиц обнаруживают и ряд других особенностей, характеризующих номинативные единицы: способность модифицироваться и увеличивать степень семантической детализации [8, с. 59—61]. Нанизывание атрибутивных компонентов, являющееся способом создания более узкого наименования, было широко распространено в языке старорусской деловой письменности. Так, находим: *люди сильные старые* (АПД), *люди посадские лучшие* (АПД), *люди воеванные порубежные* (АПД), *люди ратные пешие* (АПД), *люди городовые посыльные* (КЧ), *люди ближние комнатные* (КЧ), *люди выборные лучшие* (ЗА), *люди посадские беглые* (ЗА), *люди торговые городовые* (ЗА) и др.

Подобный способ удовлетворения номинативных запросов носителей языка был продуктивным в старорусский период и приводил к появлению названий не только людей. Например, *вотчина домовая архиерейская*, *вотчина домовая монастырская* (КЧ), *деньги домовые мельничные*, *деньги оброчные накладные*, *деньги откупные казенные*, *деньги поворотные полтинные* (КЧ), *крестьяне домовые сельские*, *крестьяне монастырские оброчные*

(КЧ) и др. Словесные комплексы с двумя или тремя атрибутивными единицами — типичное явление в старорусском деловом языке. При этом чем выше степень устойчивости базового словосочетания, тем больше построений с распространением возникало. Ср.: *дети боярские* 'вольные слуги князя с правом отъезда', позднее — 'светские феодалы знатного происхождения' (СлРЯ XI—XVII вв., 4, 240), и *дети боярские беспоместные, верстаные, владычные, городовые, дворовые, епископские, малопоместные, митрополичьи, оставленные, патриаршии, пустоместные* и др. (АПД, КЧ, ПРП, ЗА).

Нанизывание атрибутивных компонентов могло достигать и такого вида: И торговым и всяким людям даваны наши *тарханские жалованные новые грамоты...* (ЗА, 91). Бьёт челом тебе сирота твои *новоприсыльный опальной пашенный крестьянин* Елизарко Иванов (КЧ, 214). А которые московские и *городовые посадские тяглые люди* сами или отцы их в прошлых годах жили на Москве... (Ул., XIX, 13). А которые *посадские черные мастеровые люди* сошли с тяглых жеребьев и живут на Москве... (Ул., XIX, 24).

В пользу признания номинативного статуса анализируемых словосочетаний может свидетельствовать еще одно обстоятельство. Перед нами названия, построенные на модели «предмет + признак». Атрибутивный характер отношений компонентов подразумевает, что носителем признака является называемый предмет (лицо). Еще А. А. Шахматов заметил, что «атрибут есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия» [9, с. 502]. Отсюда следует, что атрибутивные словосочетания имеют одну денотативную базу, а значит, вычленяют и называют один фрагмент действительности. Именно так обстоит дело с привлеченными к анализу старорусскими словосочетаниями.

Таким образом, факт существования в языке старорусской деловой письменности большого блока неоднословных наименований вообще и лиц в частности не вызывает сомнения. Атрибутивные словосочетания со значением лица могут быть признаны номинативными единицами по ряду показателей. Заметную роль в этом играет характер денотативно-сигнификативного содержания единиц. Взаимопроникновение смыслов составляющих их компонентов, семантическая транспозиция лексико-грамматического состава, устойчивость, воспроизводимость, способность модифицироваться с увеличением степени детализации значения — все это характеризует проанализированные словосочетания, являющиеся расчлененными, неоднословными наименованиями.

СОКРАЩЕНИЯ

АПД — Акты писцового дела /Сост. С. В. Веселовский. М., 1990.

КЧ — Крестьянские челобитные XVII века. М., 1994.

Ул. — Соборное уложение 1649 года. М.; Л., 1987.

ПРП — Памятники русского права /Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1959. Вып. 5.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1996. Т. 1—23.

СДЯ — Словарь древнерусского языка: М., 1988—1991. Т. 1—4.

ЗА — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты /Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986.

Кочин — Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л. П. Русистика //Актуальные проблемы российского языкознания: 1992—1996 гг. М., 1997.

2. Смольянинова Е. Н. Словосочетание в теоретическом и методическом аспектах. Л., 1990.

3. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Мн., 1985.

4. Снитко Е. С. Внутренняя форма в процессах номинации: Автореф. дис. ...д-ра филолог. наук. Киев, 1990.

5. Телия В. Н. К проблеме связанного значения слова: гипотеза, факты, перспективы //Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.

6. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

7. Кантор М. А. Экономическое сознание русского городского демоса 2 п. XVII в. //Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. М., 1996.

8. Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.

9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

SUMMARY

In the article ancient-russian afterword appellations of persons are analyzed. Their peculiarities are discovered in connection with the problem of nominative status of word combination.